

Гунсунь Сы и сам не понял, как это вышло, но его губы вдруг словно обожгло покалыванием. — Кха-кха!

Он невольно закашлялся, и бинты на его груди тут же окрасились алой кровью – рана снова открылась.

Чжао Фан поспешно поднес чашку с водой к его губам:

— Я же говорил, что тебе сейчас нельзя это есть, а ты все равно упрямисься.

— Хватит пока. Вот поправишься – и я позволю тебе наесться этих пирогов до отвала.

Гунсунь Сы перестал кашлять:

— Ловлю на слове.

— Обещаю.

Чжао Фан ударил себя кулаком в грудь:

— Слово Чжао Фана твердо как камень, я всегда держу обещания.

Лишь после этого Гунсунь Сы согласился съесть немного рисовой каши, но на полпути нахмурился и остановился.

Нет.

Слишком больно!

Заметив, как побледнел Гунсунь Сы, Чжао Фан затревожился:

— Что такое? Очень сильно болит?

Ему ведь совсем недавно дали обезболивающую пилюлю.

Гунсунь Сы выдавил из себя слабую улыбку:

— Нет, не болит. Я просто устал и хочу спать, иди к себе.

— Точно все в порядке?

— Точно.

Весь покрылся холодным потом, а еще говорит, что все в порядке.

Чжао Фан понимал, что главный герой просто не хочет его тревожить, но от этой вымученной улыбки на душе становилось только тяжелее.

Ему казалось, что все эти мучения легли на плечи юноши по его собственной вине. Ведь если следовать сюжету книги, первые три года жизни в резиденции премьер-министра у главного героя все шло гладко.

Даже если бы он и столкнулся с опасностью, то лишь три года спустя, когда стал бы намного сильнее, чем сейчас.

Чем больше Чжао Фан думал об этом, тем сильнее раскаивался: из-за его эгоистичного поступка главный герой теперь едва не погиб.

Выйдя из комнаты, Чжао Фан напрямик направился к лекарю Вэню.

Поскольку лекарь Вэнь пользовался огромным уважением, в резиденции маркиза к нему относились со всем почтением и даже выделили для проживания отдельный уютный дворик.

— Лекарь Вэнь, есть ли у вас мафэйсань?

— Есть-то есть, но зачем он тебе?

— Сяо Гу очень плохо, на него больно смотреть. Дайте ему немного анестетика, чтобы облегчить страдания.

Лекарь Вэнь неторопливо погладил свою седую бороду:

— С чего бы такому молодому да крепкому парню принимать мафэйсань?

— Пусть терпит боль. В следующий раз будет бережнее относиться к своей жизни.

Сказав это, он вернулся к перебиранию целебных трав.

Чжао Фан крутился за его спиной, не зная, как подступиться:

— Ну нельзя же так! Он от боли уснуть не может, а без сна силы не восстанавливаются, так он никогда не поправится.

Лекарь Вэнь удивленно взглянул на него:

— А ты, малый, неплохо соображаешь.

— И все же я никогда не даю мафэйсань молодым и полным сил мужчинам. Даже наследнику титула я его не выписывал.

Чжао Фан промолчал.

«Ну и упрямый же старик!»

Вдруг его наметанный глаз зацепился за сушившиеся во дворе головки опийного мака. Воспользовавшись тем, что лекарь Вэнь отвернулся, Чжао Фан незаметно сгреб в кулак целую горсть.

Вернувшись к себе, он приготовил отвар. Точной дозировки он не знал, поэтому решил дать раненому лишь несколько глотков.

Чжао Фан с волнением спросил:

— Ну как, полегчало?

— Угу.

Чжао Фан влил в него еще несколько ложек.

Сделав еще пару глотков, Гунсунь Сы погрузился в глубокий сон.

И привиделся ему весьма недвусмысленный сон.

Ему снилась горная пещера со бьющим из-под земли ключом. Все вокруг заволочло густым паром, так что снаружи невозможно было разглядеть, чем заняты двое внутри.

Книга в его сознании переворачивала страницу за страницей.

Изображенные на них люди словно ожили, и, приглядевшись к чертам их лиц, он с изумлением узнал в них себя и Чжао Фана.

Жарко.

Пылко.

Страстно.

Упоительно.

Сладкий сон продолжался до тех пор, пока резкая боль не развеяла его в прах.

Действие импровизированного наркоза закончилось, и юноша снова проснулся от невыносимых мук.

В комнате было пусто – Чжао Фан куда-то ушел.

Гунсунь Сы хотел было позвать кого-нибудь, но из пересохшего горла не вылетало ни звука, лишь едва слышный шепот.

Делать было нечего, оставалось только терпеть и ждать возвращения Чжао Фана.

Боль пядь за пядью захватывала каждую нервную нить, проникала в самые внутренности; от этих страданий его руки и ноги непроизвольно дрожали.

Ожидание казалось бесконечным.

Прошел час.

Затем второй.

Когда Гунсунь Сы уже решил, что Чжао Фан бросил его здесь умирать в одиночестве, дверь со скрипом осторожно приоткрылась.

— О? Ты уже проснулся?

Чжао Фан принялся бережно стирать полотенцем пот с лица и шеи раненого:

— Лекарь Вэнь заметил, что я стащил у него мак, и вызвал меня к себе на суровый выговор.

— Сказал, что этот ядовитый цветок вызывает сильное привыкание, и если пристрастишься, то потом не слезешь.

— В общем, строго-настрого запретил мне давать его тебе.

— И тогда я стал думать, как еще облегчить твои страдания.

— Думал-думал и наконец придумал.

— Я могу показать тебе фокус.

С этими словами Чжао Фан провел рукой за ухом Гунсунь Сы и тут же раскрыл ладонь, в которой лежала медная монетка.

— Ну как? Разве не чудо?

Гунсунь Сы молча смотрел на него. Он был ранен, но не слеп.

Чжао Фан прочитал в его взгляде глубочайшее презрение и неловко кашлянул:

— Кхм, ну, это была импровизация. Вот подготавлиюсь получше, и ты точно ахнешь.

Пока они разговаривали, Гунсунь Сы внезапно почувствовал, что ему нужно в туалет.

Но сейчас он даже подняться с постели не мог...

Заметив, как изменилось лицо раненого, Чжао Фан спросил:

— Что случилось?

Гунсунь Сы пересилил неловкость и честно ответил:

— Мне нужно отлить.

Чжао Фан хлопнул себя по бедру:

— Не переживай, я обо всем позаботился.

Он достал из-под кровати ночную вазу и тщательно протер ее:

— Совершенно новая, ни разу не использовалась. Специально для тебя приготовил.

С этими словами Чжао Фан совершенно спокойно и буднично просунул сосуд под одеяло.

Гунсунь Сы поначалу жутко смутился, но, глядя на невозмутимое лицо Чжао Фана, его стыд испарился, сменившись легким раздражением.

Стрела попала в левую часть груди, совсем близко к сердцу. Рана была смертельно опасной, и даже искусный лекарь Вэнь не давал полной гарантии на выздоровление.

Из-за этого ранения левая рука Гунсунь Сы сейчас совершенно не двигалась.

Когда он попытался потянуться правой рукой к завязкам штанов, в его голове мелькнула шальная мысль.

«Ш-ш-ш...»

Он намеренно сморщился, изображая острую боль в ране.

Чжао Фан тут же перепугался:

— Не двигайся, не двигайся! Я сам.

Гунсунь Сы послушно опустил руку, позволяя ему все сделать.

Чжао Фан наклонился, чтобы развязать пояс. Ему было не привыкать, дело шло споро, но когда он развязал завязки, то так и застыл на месте.

Если так оставить...

Он же не сможет сходить?

Сцена замерла на несколько секунд. Наконец Чжао Фан с невозмутимым видом установил ночную вазу пониже:

— Давай не спеша.

За те несколько месяцев, что они не виделись, главный герой не просто вытянулся в росте.

Гунсунь Сы понял, что совершил глупость: теперь ему было не только больно, но и невыносимо неловко.

И всему виной тот дурацкий сон.

Время шло, но под пристальным взглядом Чжао Фана у Гунсунь Сы ничего не получалось.

Юноша взглядом указал на дверь, безмолвно прося Чжао Фана выйти.

Поняв, что парень просто стесняется, Чжао Фан не стал его изводить:

— Ладно, ты только придержи там аккуратно.

После чего развернулся и вышел из комнаты.

Весенний ветерок ласкал лицо, теплое послеполуденное солнце навевало приятную дремоту.

Вспомнив представшую перед глазами картину, Чжао Фан подумал, что главный герой знатно возмужал. Пора бы ему уже и о девицах задуматься, жену подыскать.

Весна – самое подходящее время для любви.

Чжао Фан принялся рисовать в воображении сцену первой встречи главного героя и героини, чувствуя, как его сердце наполняется радостью и предвкушением.

Он верил, что законы этого мира непременно заставят их влюбиться друг в друга с первого взгляда.

А он побудет на вторых ролях, глядишь, и сам сойдется с какой-нибудь хорошенькой служанкой.

Господин сойдется с госпожой, слуга со служанкой – и все будут счастливы.

Пока Чжао Фан предавался сладким мечтам о будущем, позади раздался встревоженный голос:

— Чжао Фан!